

Игорь Шестков "Монстр"

МОНСТР

Около пяти лет назад берлинские газеты сообщили о жестоком убийстве бездомной, обезображенный труп которой был найден в Марцане, на берегу речки Вуле. Женщину так и не смогли идентифицировать. Следствие подозревало поначалу местных неонацистов и сатанистов. По счастливой случайности анализ ДНК крови и спермы, обнаруженных на грязных простынях, в которые было завернуто тело, выявил настоящего убийцу бездомной, Николая П. (имя изменено), 1944 года рождения, жителя Марцана, позднего переселенца. Психиатрическая экспертиза подтвердила его вменяемость. Суд учел возраст обвиняемого и другие смягчающие обстоятельства и приговорил его к шести годам заключения. Николай П. вышел на свободу после отсидки половины срока. В настоящее время живет где-то под Штутгартом.

Николай П. был моим соседом по подъезду. Может быть поэтому полицейские через общих знакомых неофициально попросили меня помочь переводчику – сделать расшифровку и перевод на немецкий язык записи его показаний.

Близко я его не знал... Только приветствиями обменивался. Таг-таг, халло-халло.

Обычный опустившийся русский старик, непонятно для чего приехавший двадцать лет назад в Германию. По-немецки говорить он не умел и не хотел. Вдовец. Неопрятный, пьющий, озлобленный. Вечно сипел что-то себе под нос. Я держался от него подальше...

Привожу тут несколько отрывков из расшифровки.

...

Вы на магнитофон записываете? Ну пишите, пишите, голубчики. Устроили тут гестапо. Измываетесь над стариком!

Не знаю с чего начать-то. Ну да, вот... Стиральная машина у меня сломалась. Многовато засунул в нее белья. Пожадничал. Сам понимаешь. Порошок пожалел на две стирки. Три простыни, пододеяльник, наволочку, пять маек, шорты, еще

чего-то и еще... Прыгала, прыгала, в режиме отжима, как ошалелая, гремела-гремела, затем грозно так икнула, захаркала и заглохла. Через открывшуюся автоматически крышку поползли наружу пузыри с радужными разводами. И завоняло жутко в ванной комнате. Недостираемым бельем и горелым кабелем. Ужасно неохота возиться с чертовой машиной, искать давно потерянную гарантию, звонить, договариваться... поэтому я сломанную машину потихоньку – тяжелая! – вытащил на улицу, ночью, разумеется, и волоком, волоком, оттащил ее подальше от нашего дома, перешел через речку Смородину по Калинову мосту и спрятал. Под ракитовым кустом. Даже белье не вынул, так вместе с бельем и выкинул гадину. По дороге машина противно булькала и пускала пену. И воняла. Обрезанные ножом шланги волочились за мной как щупальца дохлого кальмара...

Речка-то конечно по-другому как-то называется. Я ее Смородиной зову, потому что вокруг нее красной смородины кустов – видимо-невидимо. На Калиновом мосту медная табличка с именем немца какого-то, а ракитов куст – это вроде как ива плакучая.

Как бросил машину, испытал облегчение. Теперь – меня ее дальнейшая судьба не касается. Нате вам с кисточкой. После нас – хоть потоп!

Вы скажете: Что же ты, бывший директор школы, в Германии мусоришь?

Заплатил бы за утилизацию машины положенное, и все было бы хорошо. Увезли бы ее аккуратные рабочие в синей униформе. А еще лучше – купил бы новую машину, а старую бы у тебя за это бесплатно забрали бы. Русская ты свинья! А я так отвечу: Заплати... Купи... А пошли бы вы куда подальше со своими советами. На хххеррр идите, суки-советчики! Да, я тут никому не нужная русская свинья, а на родине был уважаемым человеком, ко мне в очередь стояли... но если мудаки-тевтоны меня приняли, обустроили и поят-кормят, то буду им – вам – назло всю оставшуюся жизнь все портить и мусорить. Я еще и не на это способен! Я могу и вокзал взорвать. Весь Берлин поднять на воздух! Горько будете плакать, ссуки! Вы меня еще узнаете! Я, блин, еще вам всем покажу, что такое русский интеллигент! Погодите, вас всех наш Путин в сортирах замочит! Чтоб больше не выросло! Под корень будем рубить нацию! Броня крепка и танки наши быстры! Небось забыли уже, как ваши фрау под

русскими солдатами выли. Вспомните. Разжились тут... Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход! А то все советы дают. А я срррал на ваши советы! Срррал! Пидарасы зажавшиеся!

...

Бабы нету у меня, чтоб стирала, вот ведь как. Один я на белом свете. Дети меня знать не хотят. Вот недавно дочка моя, старшенькая, аптекарша, посмотрела на меня укоризненно, покачала своей умной головкой и сказала: Ты, папа, монстр. А какой я монстр? Что это вообще такое – монстр? Не знаю, но чувствую, что-то нехорошее. Может быть это рыба какая кусачая или зверюга лесной. Надо же родного отца так назвать! И ведь не выпорешь и не приструнишь. Взрослая, самостоятельная. У самой уже детки есть. Живет богато, не то, что я. Пальцем тронешь – засудит.

Монстр!

Вот сосед мой, Мирко-серб дочку свою, пацанку двенадцатилетнюю, Славицу, выпорол по жопе ремешком. Не для боли, а для воспитания только порол. Потому что она воровка. Одноклассников обворовывала в школе. А Славица – на следующий день к школьному врачу обратилась. С жалобой на родного отца. У Марко рука тяжелая, следы на детской коже остались. Синяки. Врачиха их сфотографировала и протокол оформила. И в югендамт. На другой день Марко повестку в суд вручили. Тетка из амта притащилась. Славицу-дуру забрала из семьи в интернат. А Марко чуть не посадили. Жена его, Снежана, на суде ляпнула: Он и меня бьет, изверг!

А это неправда. Не бьет Марко жену. Вы бы посмотрели на них! Марко – метр с кепкой. А Снежана эта самая – это тот самый монстр и есть. Франкенштейна напоминает из кино. Руки – грабли, ноги, как у лошади, а морда как у саблезубого тигра.

Это она его бьет, а не он ее. Я – свидетель. Разбудил меня однажды стук в дверь. Под утро было. Бешено стучали. И ор стоял на лестничной клетке серьезный. Я потихоньку, на цыпочках – мало ли что – к двери подошел, посмотрел в дверной глазок. Вижу, окровавленное лицо мелькает. И еще какой-то силуэт. Как будто мельница ветряная. И молотит-молотит крыльями. Открыл дверь, а там Марко... избитый. Вошел.

– Закрывай, закрывай дверь скорее, – кричит. – Иначе она сюда ворвется. Стерва эта, Снежанка-тварь. Изуродовала меня.

И показывает мне свои рваные раны...

А из коридора Снежана орет: Я убиху те, копиле...

Я соседа отвел в ванную, принес ему туда вату, водку и пластыри. Он раны промыл, водки выпил и пластырями заклеился. А я чайку заварил. Достал сухарики с изюмом. Любимые. Марко еще выпил и рассказал, за что его жена уродовала. Оказывается – за дело. Потому как бабу чужую грязную в дом притащил. И в койку ее. Снежана и Славица на Балтике отдыхали. На два дня раньше приехали, чем оговорено было. Потому что пацанка приболела. Простудилась на море. Засопливила. Приехали, а Марко в семейной кровати с какой-то синюхой. Ну Снежана и начала махать граблями. Чуть не прибила дурака. А синюху пыталась с десятого этажа в окно выбросить, но та отбилась и слиняла.

Я ходил к Снежане, убеждал простить Марко. Простила.

Дураки все.

Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде, мы начеку, мы за врагом следим...

...

Ну вот, у меня значит белья скопилась – гора. А машины стиральной нету. И денег нет на новую. А подержанную брать не хочется – брезгаю.

Вспомнил я тут, что – остановок десять от нас трамвайных – прачечная есть. Засунул свои тряпки в сумку пузатую и поволок. Идти мне надо, ты знаешь, через парк. Ну, рядом с вами, с полицией. А там – лавочки. И вот... волоку я свою сумку и вижу – все лавчонки пустые, конец октября уже, сифонит всюю, а на одной – женщина сидит одинокая. Смазливенькая. Лет 35. Цыганка, что ли? Глаза – лазурь. А сама – смугляночка. Дрожит бедная, как осиновый лист, в короткой юбчонке. Но ножки длинные в черных чулочках так кокетливо протянула. И коленками – вправо-влево шурует. А чулочки – дырявые. Обожгло меня как кислотой. Хотя сразу мысль закралась в голову – может это та, с которой Марко... Но я мысль прогнал.

А как иначе то? Я ведь еще живой. Хоть и в бобылях. Тестостерон в крови кипит. Подошел к ней, разговор начал. А она – на рот показывает и на уши –

глухонемая, мол. Ну это нам не помеха. Положил я сумку с бельем на лавочку. Присел к цыганке поближе, обнял даже. А она – ресницами своими длинными хлоп-хлоп... и ротиком алым полуоткрытым меня завораживает. И коленками дальше... того. Ножки еще шире расставила, проказница. Так что тело ее сахарное, там, где чулочки кончаются – полосочкой виднеется. И волосики видны, круглявые. Ну, сурьма тебе на язык, чувствую – совсем приворожила. Говорю ей: Пойдем, пойдем со мной!

А голос-то у меня не так как прежде, медный таз, а так, петухи залетные... Срамота, конечно, но все равно ведь ничего не слышит краля-то. Знаками показал, не удержался, поцеловал в смуглую щеку. Как будто розу чайную губами тронул... Холодные лепесточки. Мокрые.

За руку ее взял, стал тянуть.

А она... неохотно поднялась со своей лавки... посмотрела на меня так, что у меня все запало внутри... кивнула... сумку мою с бельем на плечо повесила, вроде как покорность свою так проявила и пошла со мной. Я сумку хотел сам нести, но она еще раз на меня глянула... и я оставил сумку ей.

Славабо, у подъезда нашего не было никого, а не то меня словоохотливые соседки потом вопросами бы изгрызли, как мыши – сыр. Шут бы их взял, сплетницы паршивые, в России не наболтались, приехали сюда болтать, только гной от них... Да и мужики у нас не лучше. Ходит тут один еврей, наблюдает за всеми, хмурый такой... Недобрые глаза у него.

Но если к нам ползет враг матерый, он будет бит повсюду и везде...

Зашли в дом.

А в лифте... прижалась моя краля ко мне грудью. Сквозь одежду почувствовал – соски у нее как иголки. Колют прям до яиц. Я дрожу. Еле ключом в замочную скважину попал. Ты не поверишь... Старый баран, а как будто волны хмельные по телу. Бьют и бьют. И в океан уносят.

А на морде у меня – огненные знаки выступили. Как будто черт меня своим копытом припечатал.

А между ног – хер клюшкой торчит.

Ввел ее в квартиру, дверь запер, а сам поскорее – в ванную, отлить и холодной водой морду вымыть. Цыганка моя тоже в туалет запросилась. Головкой

кучерявой трясет и глазками посверкивает. Курлычет что-то и на дверь в туалет показывает. А у меня на двери – мальчик писающий. Картинка забористая...

Как вышла, не стал тянуть, потащил ее в кровать. Одежку по дороге с себя сорвал. А она – под одеялом разделась. Обхватила меня худенькими бедрами... и поплыло все, закружилось, как на карусели и полетело в тартарары.

В себя я пришел уже вечером. В кровати под простыней.

Цыганки моей рядом со мной не было.

Ванну что ли принимает?

Я недавно новый экстракт купил. Апельсиновый. После такой ванны – кожа оранжевая и немножко ананасами пахнет.

Встал, подошел к двери в ванную комнату, приоткрыл, заглянул в щелочку.

Стирает бедная, мое барахло. Руками трет. И ножки у нее без чулок – худенькие, плохонькие, как у больного подростка. На спине – ребра видны. Представил я себе, как она по Германии бродит. И под любого ложится. Лишь бы накормил. Это меня прям пронзило, сердце закололо даже.

Да, господин хороший, тут бы мне и воспользоваться... перестать пить и жизнь мою паскудную изменить... Может быть, пожили бы с ней годок-другой, как люди, в мире-согласии.

Но я ведь не еврей, не немец, а русский человек! Как сердце отпустило, соскочил с катушек. Затмение на меня нашло. Под руку нож подвернулся. Помрачение сознания...

Гнев меня обуял. Аффект. Или белая горячка. Не знаю. Ты специалист, ты и разбирайся, как и почему.

Что, что ты свои глазенопа на меня выпятил? Спрашиваешь, за что убил?

Загубил невинную душу? Удивляешься, да? Удивляйся, удивляйся, урррод

рыбоглазый! Пожалел я ее! Тебе этого никогда не понять, падла фашистская! У тебя души нет, пидарас!